

Выступление на заседании Круглого стола «Эволюция российского “среднего класса”»: причины, содержание и перспективы»

9 декабря 2014 г.

Я сразу хочу разграничить ту проблему - о ком мы говорим – о среднем классе или о массовых городских слоях? Массовые городские слои есть всегда, и это вообще не представляет исследовательской проблемы. Есть какие-то формы социологического, экономического анализа этих слоев, но мы не об этом. Мы о том, что существует ли тот конструкт, которому мы вменяем что-то, от которого ожидаем чего-то. Именно в значении конструкта мы подходим к проблеме его конечной оценки. Мы чего-то ждем от крупного социального субъекта. И мы ждем либо того, что он обладает какой-то характеристикой, крайне важной на сегодняшний момент. Или он способен выполнять функцию, которая чрезвычайно важна на сегодняшний момент. И есть такой конструкт можно обнаружить в реальности, тогда мы имеем дело со средним классом.

Я помню, что в начале 90-х самая главная функция, которая возлагалась на средний класс, это его адаптивная функция. Есть ли большой социальный конструкт, который способен адаптироваться к переменам, найти формы адаптации, транслировать эти формы, повести за собой? Соответствующее социальное образование было выявлено социологическими методами, оно в конце 90-х годов составляло примерно 20% населения.

Для того, чтобы выявить средний класс, подбирались группа критериев, которая очерчивала этот социальный субъект. Да, ответ был положительный. Да, такая группа нашлась. На тот момент она составляла примерно 20% населения, которые этот вызов адаптации на себя приняли, с ней справились. Но и сформировали какие-то адаптационные формы поведения.

Дальше был важный вопрос: а способны ли эти городские массовые слои, благодаря каким-то имеющимся у них социальным ресурсам –

образованию, профессии, наконец, личным качествам - и формам поведения, которые были оценены как успешные, стать достаточно состоятельной группой общества? Не бедные, не богатые, а самостоятельная и самодостаточная группа общества, которая выполняет тоже важную функцию: снижает социальную нагрузку, то есть на них особо не надо тратить денег, они сами это все сделают.

Ответ опять был утвердительный: да, такие нашлись. На количественном уровне, может быть, Марина скажет не так. Но количественно эта группа тоже составляла примерно 20%. Она не рассеялась. А сравнительное исследование начала 90-х, середины 90-х, конца 90-х годов давали примерно такие же количественные оценки. Таким образом, средний класс не рассеивался, но и не расширялся.

Дальше, если вы помните (это было не так давно), на средний класс тоже была возложена большая и важная функция, а именно: сможет ли этот конструкт, этот средний класс стать агентом модернизации? . Но тут надо много говорить о том, произошли ли (это, наверное, скажут коллеги) структурные внутренние изменения среднего класса, которые позволили бы рассматривать его как агента модернизации.

У меня есть результаты некоторых исследований, которые приводят к отрицательному ответу на этот вопрос. Он не стал агентом модернизации. И, как мне представляется, именно его внутренняя структура явилась барьером для того, чтобы он выступил в качестве такого субъекта.

Я бы хотела попозже попробовать ответить на вопрос Андрея относительно идейного позиционирования. Но я хочу только вот что сказать. Оставаясь количественно неизменным до начала 2000-х годов по тем же параметрам, по которым он измерялся раньше, к концу нулевых годов он стал расширяться, распухать. Почему? Потому что обычно в число этих параметров включался уровень образования, а все стали получать высшее образование как сумасшедшие. Все это называлось бумом высшего образования. В результате этого образовательный уровень количественно (качественного образования не обсуждаем) вырос и расширился.

Доходы росли. Ну, кто же будет спорить, что они росли. Идентификация - субъективный критерий среднего класса – под это

подтягивался. То есть его количественные рамки расширились. В то время как они расширялись, терялась внутренняя определенность среднего класса.

Поэтому, касаясь вопроса политического позиционирования среднего класса, можно говорить о том, что есть и путинский, и антипутинский, и непутинский средний класс. Он стал очень размываться. Может быть, потом я об этом еще скажу.

А.В. Рябов. Еще, пожалуйста, какие-то мнения, оценки.

Мне хотелось бы задать еще один вопрос Елене Михайловне. Возвращаясь к тому тезису, который мы затронули. Конец 90-х годов. Не проходит на должном уровне консолидация и самоорганизация. Не является ли это следствием того, что в значительной степени эта гигантская социальная революция и политическая тоже 90-х годов в значительной степени была революцией не гражданской, а революцией потребителей? И из этого как бы проистекает идеологическая всеядность этого среднего класса, который сегодня западник, завтра он ультра-патриот, послезавтра – консерватор и т.д.

Это некая стадия культурного протеста. Потому что, судя по всему, культурный, стилистический протест – это некая ступенька к политическому. Вряд ли он самодостаточный и вряд ли он является верхом некоей политической активности. И отсюда возможно то, что и Вы сказали, - о моральных горизонтах. И у Вас было об этом как некий критерий возможной дифференциации и возможной самоорганизации и самоощущения себя как класса, как следующая ступень.

Я не знаю, можно ли выстроить такую логику?

Е.М. Аврамова. Я бы так ответила. Да, конечно. Но не потому что они такие шкурные ребята. А потому что все эти институты им особенно не давали выполнять какие-нибудь другие функции. Политическое участие – да. Политическое участие присутствовало, но очень мало. Гражданское участие – да, но очень мало. Поэтому да, они всегда способны на большее и всегда делают меньше, если к этому не требуют какие-то острые ситуации.

Теперь почему мне стало грустно. Марина Дмитриевна говорит: а скоро вообще все потеряют интерес к этому среднему классу. Его «замешают» в общей структуре – это малое в большом. Потому что уже

никаких крупных социально-экономических задач на него не возлагают. Ситуацию, впрочем, может изменить наступающий кризис. Но для того, чтобы средний класс смог проявить себя в ситуации кризиса, ему нужно создать сколько-нибудь благоприятную институциональную среду.

Все-таки средний класс за эту медицину платную, за это образование платное, за все услуги, за коммуникации должен будет заплатить. Кто заплатит, кроме среднего класса?

Конечно, у него всегда были шансы для расширения и укрепления в политическом смысле. Он всегда эти шансы терял. Например, в начале Медведевского президентства, когда слово модернизация имело какой-то смысл.

Покойная Татьяна Ивановна Заславская определила, что здесь и сейчас можно рассматривать как модернизацию – это согласие и готовность участвовать в экономической и политической конкуренции. А это всегда требует усилия от самого себя. Я на это согласен, я буду в этом участвовать. Был шанс, но слабенький. Не получилось.

Поскольку средний класс это такой сложный субъект, то я все-таки опять прихожу к тому, и вы к этому приходите, что сейчас моральное размежевание будет иметь особое значение.

О.М.Здравомыслова. Это очень важная мысль. Как ты определяешь это моральное поле?

Е.М. Аврамова. Это трудно объяснить, потому что объяснить это с точки зрения старых понятий – справедливо – несправедливо невозможно. Моральные критерии не рефлексированы в современном обществе. Эгалитаристские принципы - не для среднего класса, а если говорить об утилитаристских, то важно понимать, какие заслуги заслуживают вознаграждения. Эти вопросы сейчас не поднимаются и не обсуждаются, но ответы на них будут иметь, на мой взгляд, важное значение для судьбы среднего класса.